

Алевтина Татищева-Никитина

НИКОЛАЙ II. ЦАРСКИЕ ПОХОРОНЫ

Последняя дорога последнего императора

Алевтина Татищева-Никитина
Николай II. Царские
похороны. Последняя дорога
последнего императора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282781

ISBN 9785448384141

Аннотация

В июле 2018 года исполнится 100 лет трагедии в доме Ипатьева. Трагическая гибель семьи последнего императора России и его приближенных остается одной из самых страшных страниц мировой истории. Автор этой книги рассказывает о людях, которые посвятили себя раскрытию тайны расстрела в доме Ипатьева. О том, как трудно Россия признавала это преступление.

Содержание

Предисловие	6
На подступах к теме	10
Дождливый июль	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Николай II.
Царские похороны
Последняя дорога
последнего императора**

**Алевтина Татищева-
Никитина**

Редактор Алевтина Алексеевна Татищева-Никитина

Фотограф Алексей Аркадьевич Татищев

© Алевтина Татищева-Никитина, 2024

© Алексей Аркадьевич Татищев, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4483-8414-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трагическая гибель семьи последнего императора России и его приближенных остается одной из самых страшных страниц мировой истории. Автор этой книги рассказывает о людях, которые посвятили себя раскрытию тайны расстрела в доме Ипатьева. О том, как трудно Россия признавала

это преступление.

Предисловие

Время все дальше уносит от нас июльские дни 1998 года, когда останки последнего российского императора были преданы земле. Но трагическая история гибели его семьи по-прежнему волнует умы и души людей. Пишутся книги, снимаются фильмы. На переломе двух веков все больше думается о трагическом переломе, который пережила Россия в начале века двадцатого. Там ищем мы ответы на многие главные вопросы сегодняшней жизни. Права и ответственность власти перед страной, соотношение личного и общественного в судьбе человека, выбор пути России – это только то немногое, о чем думаем мы, прикасаясь к судьбе Николая II.

...У меня есть приятель – театральный режиссер. Он родился в Свердловске, сейчас живет в Париже, у него жена-француженка (уже не первая). В 70-е годы, студентом, репетируя свой едва ли не первый спектакль в стенах тогда еще не снесенного дома Ипатьева, он вынес оттуда ржавый гвоздь. Этот гвоздь (ровесник дома и свидетель кровавой трагедии лета 1918-го) мой друг считает едва ли не самой важной вещью в российском багаже, собранном при отъезде. Когда-нибудь хочет подарить этот гвоздь потомкам Романовых. Этот гвоздь и серебряный рубль с портретом Николая II, завещанный Алевтине Татищевой-Никитиной её матерью, – вещи одного порядка. То, что делает лично причаст-

ным к ходу истории, то маленькое звено, тронув которое ты ощущаешь дыхание истории, видишь лица творящих ее людей. Все становится зримым и осязаемым, объемным и очень личностным.

Алевтина Татищева-Никитина написала историю «долгих похорон», историю прощания России с останками Николая II, его семьи, приближенных и слуг как очень личную историю. Панорамная картина общества, мучительно осмысливающего свое прошлое, искупающего ошибки и преступления, возвращающего исторические и нравственные долги, для неё сплетается с историей храма, взорванного в её родном Камышлове не в «безбожные» двадцатые, а уже в семидесятые, своей семьи и своего поколения, тоже попавшего в жернова истории, пусть не кровавые, но весьма жесткие: из комсомольской юности прямо в объятия дикого рынка.

В дождливые июльские дни 1998-го, когда сначала в Екатеринбурге, а затем – в Санкт-Петербурге прощались с пленниками дома Ипатьева, история вдруг сконцентрировалась, страницы восьми десятилетий (от июля 1918-го до июля 1998-го, от расстрела Романовых до погребальной церемонии) пронесли перед мысленным взором, и глава закрылась. После июля 98-го был август, дефолт, пришли иные, жесткие времена и другие, тоже очень далекие от демократической романтики Собчака и Ельцина лидеры нации. «Мы успели», – вскоре стали говорить о романовских похоронах их организаторы и участники.

У повествования Алевтины Татищевой-Никитиной есть главный герой – Александр Авдонин, раскрывший одну из самых страшных тайн XX века, нашедший царскую могилу на старой Коптяковской дороге. Это характер мощный, притягательный, резкий, выписанный с любовью и восхищением, рядом с ним – другие герои. Совсем не те, кто «представлял» на траурной церемонии в Петропавловском соборе: Ельцин, Немцов, Лихачев, Михалков, Радзинский... Автора интересуют не парадные персонажи телевизионной «картинки», а люди «за сценой»: судмедэксперт Петр Грицаенко, собственноручно достававший из трясины на старой Коптяковской дороге каждую косточку, архитектор Светлана Наливкина, проектировавшая захоронение в Екатерининском приделе Петропавловского собора, столяр-краснодеревщик Алексей Тарасов, делавший исторические гробы, правнук повара Харитонова Петр Мультатули, внучатый племянник Николая II Андрей Андреевич Романов, безымянные екатеринбургские старушки, молившиеся за невинно убиенных в храме Вознесения Господня... Именно они придают необычайную достоверность и исторический объем этой истории, именно знакомство с ними позволяет согласиться с утверждением автора: «Здесь, в Екатеринбурге, произошло главное. Именно здесь состоялся главный акт покаяния. На этой земле каялись потомки тех, кто совершил это страшное преступление 80 лет назад».

Замечательно, что у этого «главного» оказался талант-

ливый летописец, свидетель небесстрастный, но точный и объективный, совместивший журналистское расследование с эмоциональным монологом о времени и о себе. У этой книги есть ценность исторического документа, серьезной исследовательской работы и захватывающая личностная интонация: то, что так властно захватило в свое время автора, не сможет оставить равнодушным читателя этой книги.

Владимир СПЕШКОВ

На подступах к теме

Бывают моменты, когда история становится осязаемой. Это чувство привычно, наверное, для историков, особенно археологов. А журналиста, который сломя голову гоняется за новостями и пытается поймать ускользающее время, оно вдруг однажды останавливает на полном скаку и хватает за рукав: оглянись! Так случилось со мной весной 1998-го, когда я услышала о том, что готовятся похороны семьи последнего российского императора. Тема казалась настолько огромной и глубокой, что я была убеждена: ее уже захватил кто-то из более опытных коллег. Свобода свободой, но в газете у каждого есть свой «огород», который он любовно возделывает и оберегает. Но все же я набралась смелости и дрожащим голосом предложила на редколлегии: «Надо бы съездить в Екатеринбург, разузнать про царские похороны». О, радость, ни один газетный зубр не отреагировал. «Ну, съезди», – сказали мне и приступили к другим неотложным делам. Сначала я не могла поверить в то, что случилось, что эта тема – моя. А потом – испугалась.

Отношения с историей, как сводом имен, дат и событий, у меня всегда были сложные. Мне всегда не хватало во всем этом живых людей, личностей, к которым можно было как-то относиться – любить или ненавидеть, восхищаться или презирать. А в старших классах, когда дети начинают уже что-

то соображать, на нас проводили какой-то педагогический эксперимент, и касался он именно истории. Учительница (я не помню, как ее звали, помню только, что она говорила: «Я констатирую») разбивала класс на группы, в каждой выбирался главный. Он читал учебник, а потом все ему отвечали. Понятно, что никто ничего не знал. Но дело даже не в учительнице. Знание истории дальше 17-го года было не так уж и необходимо. И потом, в университете, надо было только долго и нудно конспектировать классиков марксизма-ленинизма, чтобы предъявлять переписанные собственной рукой тома преподавателю истории КПСС. Я чуть не срезалась на госэкзамене, пытаясь объяснить, в чем отличие Программы мира, принятой на 23-м съезде КПСС, от Программы мира, принятой на 24-м съезде. Мне казалось, что все партийные съезды были на одно лицо – лицо престарелого Леонида Ильича.

Когда я оглядываюсь назад, то вижу, что судьба посылала мне сигналы, значение которых становится понятным только сегодня. 1978 год. Мой родной город Камышлов в 140 километрах от Свердловска. Конец мая. Последний школьный звонок. Все как положено – митинг, белые фартучки, слезы педагогов. Но все вокруг говорят, что нам необыкновенно повезло – так, как не везло ни одному выпуску: у нашего праздника будет потрясающий финал. Так совпало, что в этот солнечный майский день власти моего родного городка решили избавиться от храма. Он возвышался в самом цен-

тре, напротив площади. И выкрашенный серой краской Ленин долгие годы вынужден был хмуро взирать на его величественные купола. Конечно, храм не действовал, там была столовая, автостанция, потом еще что-то. Городу тогда уже было больше 300 лет, храму – немного меньше. Кому он помешал – об этом мы не задумывались. Подобные решения тогда не обсуждались. Гадали только о том, что будет на его месте. Говорили, что здесь разобьют парк. Забегая вперед, скажу, что никакого парка так и не возникло. До сих пор здесь огромный пустырь. В центре уже в годы перестройки, когда лидеры страны завели моду по большим праздникам ходить в церковь, поставили железный крест, почему-то черный как смоль. Рядом, как водится, шумит барахолка, где камышловцы перебирают пыльные китайские товары.

Мы собрались тогда всей школой у линии оцепления. Когда храм начал заваливаться после целого шквала взрывов, мы кричали: «Ура!». Все кричали. Мой отец в это время вел фотосъемку с крыши, для истории. Эти фотографии он потом передал мне.

Конечно, тогда я ничего не знала о доме Ипатьева. Только теперь я сопоставила даты. «Дом особого назначения» был разрушен в Свердловске в сентябре 1977-го. Храм в нашем городке – через полгода. Сегодня для меня эти два позорных факта связаны между собой. Получается, что моя взрослая жизнь началась с того, что я кричала «ура», когда рушился храм. Не потому ли я и мои ровесники так мечемся по жиз-

ни, все не можем найти точку опоры.

Необходимое отступление

Нам долго не удавалось повзрослеть. Мы – это вторые «шестидесятники». Те, первые, в 60-е годы стали уже сознательными и «несознательными» гражданами одной шестой части планеты, а мы – только родились. Пока мы ходили в пионерах и вступали в комсомол, они уже выходили на Красную площадь протестовать против русских танков в Чехословакии или хотя бы пели на кухне «мы так вам верили, товарищ Сталин...». Нас так плотно отгораживали идеологическим щитом (сначала это были пионервожатые, потом – райкомы и горкомы комсомола), что мы если чего-то и хотели страстно, так это – встроиться в жесткую, не нами придуманную структуру. Встать на первую ступеньку, а потом карабкаться по этой лестнице все выше и выше. Конечно, уровень притязаний был у каждого свой, кто-то и не собирался даже близко подходить к этой крутой лестнице. Но кто хотел, тот твердо знал правила игры. Сначала надо было «встроиться» в совет отряда, потом – в совет дружины, побольше выступать на собраниях и руководить сбором металлолома. А дальше все шло как по маслу – комсомол, партия, диссертация или начальственный кабинет. Никто, в общем-то, не сомневался, «что такое хорошо и что такое плохо». Нас, еще птенцов, уже включали в большую игру, учили жить по ее правилам. Кто-то, конечно, выпадал из гнезда, кого-то выбрасывали более сильные и наглые, но в целом паровоз

летел вперед в одном, единственно верном направлении.

И вдруг – стоп. Горбачев тормознул паровоз, который мчался хоть уже и по инерции, но все еще на всех парах. Нам было 25. Вроде бы уже не дети, но еще и не хозяева жизни. Нам было легче, чем старикам, понять новые правила игры. Но если они к этому моменту уже успели занять в ней центровые места, то мы еще не стали никем. Мы еще только изучили истмат и историю КПСС, едва вскарабкались на первые ступеньки, когда рухнула вся лестница.

Разумеется, всякое обобщение хромает. Некоторые из нас, те, кто оказался более гибким и пористым, мгновенно перескочили на новую лестницу, став бизнесменами или банкирами. Собственно, с розовощеких, бодреньких «комсомольцев» и начался капитализм в России, – вспомните разномастные молодежные фонды, торговавшие всем и вся. Но эти новые лидеры были все-таки постарше нас. Они уже научились красиво говорить об одном, а делать совершенно иное. Так, как научились это делать бывшие американские хиппи, ставшие вполне благополучными и одиозными обывателями. Мы же барахтались между тем, что заложила в нас система, и тем, что требовала новая жизнь. Те, кто смог решительно и бесповоротно порвать с «пионерскими» идеалами, ринулся «заколачивать бабки». Делали они это под руководством своих прежних начальников, которые из партийной коммунистической элиты быстро превратились в элиту административную и заняли ключевые посты во власти.

А она во все времена хочет по существу только одного – обеспечить безбедное существование себе и собственным детям. Если раньше это желание обильно сдабривалось лозунгами о светлом будущем и благе народа, то теперь ей не требовалось утруждать себя и этим. Нарождающийся капитализм позволял без оглядки пуститься во все тяжкие.

Как ни странно, именно поседевшие и располневшие «шестидесятники» оказались более восприимчивы к идеям перестройки, чем мы. Она была воплощением их юношеских мечтаний. Они стали ее идеологами. Помните, мы в конце 80-х зачитывались толстыми журналами, экономические выкладки нового времени казались нам поэзией. А через десять лет одного из «буревестников» капитализма академика Аганбегяна сажают в тюрьму за то, что он незаконно использовал площади руководимого им учреждения и что-то намудрил с бухгалтерией. Что его испортило – тот самый российский капитализм, горячим идеологом которого он был?

В конце 90-х мы еще с трудом могли существовать без идеологической соски, не научились еще жить без кумиров и жадно ловили первые неподцензурные слова. Это сейчас мы понимаем, что миром правят только деньги, деньги и деньги. Поиски «харизмы» нового общества провалились, а все потуги его идеологов закончились весьма плачевно, иногда даже на арестантской койке.

Так что же с нами? С теми, кто не стал ни бандитами, ни директорами, ни банкирами? Мы служим, тщетно пытаюсь

подвинуть стариков и пытаюсь смириться со странно перепутанной в них гремучей смесью капитализма и коммунизма. Иногда нами играют, как умненьким не по годам мальчиком Сережей Кириенко. Игра заканчивается так, как если бы ребенок вместо игрушечных начал играть реальными солдатами, – катастрофой. Нам дают игрушку, чтобы мы поняли, что мы еще чужие в этой взрослой игре, где делятся заводы и целые отрасли некогда славной промышленности, делятся области и края некогда славной России. И мы вдруг понимаем, что нас уже не принимают в расчет. На реальную арену выходят дети «тузов» – те, кто моложе нас. Им 28, 25, даже 23, а они уже руководят гигантами индустрии, становятся министрами и депутатами, становятся обладателями громадных состояний. Они не были ни октябрятами, ни пионерами, ни комсомольцами, им не задурили мозги «благом народа». Когда нас вместе начинают учить модному менеджменту, они опережают нас на сотни пунктов, потому что могут принимать решения, не задумываясь о моральных принципах, не рефлексировав, видя во всем только одно – прибыль.

Социологи говорят, что те, кто идет за ними, будут еще круче – они с молоком матери впитывают уроки, на которых сегодняшние «новые русские» набили столько шишек и синяков. Идеи всеобщего равенства и благоденствия будут казаться им еще более смешными, чем сегодняшним хозяевам жизни.

Вряд ли кто-нибудь вспомнит сегодня, откуда именно

в нашем обиходе появилось словечко «как бы». Вроде бы привычка вставлять его к месту и не к месту возникла у жителей столицы и достигла постепенно самых отдаленных окраин. Незаметно мы стали употреблять это прилипчивое определение ко всем мыслимым нашим действиям и явлениям. Мы как бы едим и как бы работаем. У нас как бы правительство и как бы президент. Всего пять букв, а прибавь их к любому слову – и появляется подвешенность, неопределенность, неясность. Мы начинаем как бы мыслить, как бы говорить, как бы любить. Как бы жить. А ведь умница наука говорит нам, что никакое слово не воцаряется в языке из ниоткуда или из ничего. За ним – явление. А это явление, как мне кажется, – это мы. Мы – поколение «как бы», подвешенное в неопределенном времени, так и не нашедшее своего места между теми, кто родился до нас, и теми, кто – после. И те, и другие уже впереди. Будем гнаться за ними? Или отсидимся?

Я написала как-то об этом в своей газете. Это был материал из тех, которые рождаются будто бы (как бы) сами по себе. Ты ничего не придумываешь, а лихорадочно записываешь слова, которые рождаются где-то – в воздухе, в космосе, не знаю где. Как водится, этот материал долго валялся где-то в недрах редакционных портфелей, не конкурируя с новостями – выборными баталиями, заказными убийствами и прочей текучкой. А когда он все-таки появился, то ко мне начали подходить с похвалой сотрудники редакции, ко-

которые годятся мне в отцы и матери. «Ты молодец, – говорили они, – ты уловила что-то главное в нашем времени». – «Для вас?» – спрашивала я. «Нет, – отвечали они, – для наших детей». Я и сегодня вспоминаю этот дорогой для меня текст, родившийся тогда, когда я думала о судьбе царской семьи, о том времени, когда ломалось время, переворачивая судьбы и жизни миллионов людей. Я думала тогда и о своей судьбе. Она кажется песчинкой в океане истории. Но с годами отчего-то все чаще хочется оглянуться назад. Говорят, что это признак подступающей старости. Может быть, но тут уж ничего не поделаешь.

Оглядываясь, понимаешь, что события твоей собственной жизни, которые казались когда-то малозначительными или вовсе незаметными, вплетаются в общую нить истории, обретают логику и смысл. Мог ли ты что-нибудь изменить в жизни своей и человечества или все было предопределено свыше? Я понимаю, что подобные мысли рано или поздно возникают у всех, но я начала думать об этом только после встречи с Александром Николаевичем Авдониным – человеком, которому удалось повернуть историю.

Приезжая в свой родной город, я обязательно прихожу на место, где был тот самый храм, разрушенный в день моего последнего школьного звонка. А потом иду в другой храм, который, слава Богу, сохранился. На него, видимо, тогда не хватило взрывчатки. Это удивительной красоты и величия Покровский собор. Он построен на высоком холме над

рекой Пышмой. Именно здесь был заложен три века назад этот город, растянувшийся вдоль Сибирского тракта. Долгие годы в храме был склад швейной фабрики. А у подножия его – детские ясли, куда когда-то в пеленках приносила меня мать, отправляясь на эту самую фабрику, чтобы шить «зеленку» – форму для солдат «непобедимой и легендарной».

Сейчас храм возрожден, здесь уже есть приход. А швейная фабрика захирела, потому что «зеленка» уже не требуется в таких огромных количествах, как раньше, а ничего другого здесь шить так и не научились.

Здесь священник отец Евгений крестил мою дочь. Проведя в храме несколько часов, я почувствовала, что у моего родного города появилась душа. Ничего более величественного и прекрасного в городе просто нет. И нет другого места, где с людьми говорили бы о вечности.

Отец дал мне фамилию, которая до моего приезда в Свердловск и вступительных экзаменов в Уральский университет ни у кого никаких вопросов не вызывала. А на творческом конкурсе меня спросили: «А вы не родственница того Татищева?» – «Какого?» – совершенно искренне удивилась я. Члены комиссии понимающе покачали головами, мол, все понятно, девочка из глухой провинции. Потом я разыскала энциклопедию Брокгауза и Ефрона, выписала для себя все про графа Василия Никитича Татищева, основателя Екатеринбург, историка и географа. Мой ли это предок? Ничего определенного сказать нельзя, потому что мой отец ро-

дом из глухой деревни в Пермской области (она, видимо, была «неперспективная», и много лет назад ее просто распахали, там теперь поля). Кстати, фамилия моего отца стала вызывать интерес к нему историков и журналистов только несколько лет назад, когда Екатеринбург вернули его историческое имя, на Сибирском тракте поставили верстовые столбы, и все больше людей начали понимать, что история России в целом и Урала в частности началась не в 17-м году XX века.

Потом я узнаю, что еще один мой однофамилец в 17—18-м годах сопровождал семью последнего российского императора сначала в Тобольск, а потом в Екатеринбург. Это генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, убитый без суда и следствия за неделю до расстрела в Ипатьевском доме. В книге Николая Соколова «Убийство царской семьи» я прочла мнение об этом человеке: «Татищев держал себя с достоинством, вообще, как должно, что тогда в среде придворных было редким исключением»¹. Он был вторым человеком из придворных, кому опальный император предложил сопровождать его в Тобольск. Первый, кому это было предложено, — князь Нарышкин — отказался. Соколов пишет: «Позднее, когда Татищев был отделен от семьи и заключен в тюрьму, намекая, видимо, на раздумье Нарышкина, он говорил своему компаньону по тюремной камере: «На такое Монаршее благоволение у кого и могла ли совесть дерзнуть отказать Государю в тяжелую минуту? Было бы нечеловече-

ски черной благодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением, нужно было считать его за счастье»².

Интересно, что моя девичья фамилия, из-за которой я чуть не провалилась на творческом конкурсе, сыграла добрую службу, когда я думала, как подступиться к «царской теме». Получив благословение редколлегии, я начала поиск людей, которые в нашем городе хоть что-то знают о «царской теме». Поспрашивала у коллег, мне сказали, что с кем-то в Екатеринбурге может познакомить друг нашей газеты литературовед Алексей Казаков. Как выяснилось, не с кем-то, а с тем самым Авдониным, который нашел останки членов семьи Николая II и его приближенных. «Но он человек очень осторожный, к нему трудно подступиться, – предупредил Алексей. – Но ты же, я слышал, Татищева была до замужества. Это должно на Авдонины произвести впечатление».

Он оказался прав. Человеку, который занимается историей, трудно не выделить среди других журналистку с такой громко звучащей фамилией. Перед поездкой в Екатеринбург я разыскала свой студенческий билет, чтобы предъявить его Авдонины в качестве доказательства моей мнимой близости к исторической личности. Может быть, ему это показалось смешным, но помогло мне хоть немного расположить его к себе. Я храню книгу, которую в день нашей первой встречи подарил мне Александр Николаевич. Она называется «В жерновах революции» и рассказывает о судьбе комис-

сара Яковлева – одного из самых значительных людей, причастных к екатеринбургской трагедии царской семьи. Авдонин надписал мне книгу так: «Представителю славной династии Татищевых от автора».

Я благодарна судьбе и древнему дворянскому роду Татищевых за знакомство с Александром Николаевичем. Те же Брокгауз и Ефрон, прослеживая историю этого рода с XV века, так говорят о графе Василии Никитиче, основателе Екатеринбурга: «Типичный «птенец гнезда Петрова», с обширным умом, способностью переходить от одного предмета к другому, искренно стремившийся к благу Отечества, имевший свое определенное мирозерцание и твердо и неуклонно проводивший его, если и не всегда в жизни, то, во всяком случае, во всех своих научных трудах»³. Да простят меня за смелое предположение будущие энциклопедисты, но я думаю, что этими же словами они в свое время напишут об Александре Авдонине.

Он стал первым человеком из встреченных мною, кого мне хочется назвать великим. Я поняла это с первых минут нашего знакомства. Это человек, который раскрыл одну из самых страшных тайн человечества. И что бы сейчас ни говорили, какой бы грязью его ни поливали, он это сделал, – и с этим уже ничего не поделаешь.

О гибели последнего российского императора и обрете-нии его останков уже много написано и будет еще написано немало. У этой истории есть одна особенность – ее

очень трудно забыть. Если ты хоть чуть-чуть прикоснулся к этой тайне, она уже не отпускает тебя. А мне довелось написать об этом несколько газетных материалов. Я долго сомневалась, можно ли составить из них книгу, ведь эти тексты пишутся оперативно, не предполагают глубокого анализа. Но потом я прочла несколько научных трактатов на эту тему, несколько сборников полемических статей – глубоких и аналитических. Все в них было, кроме живых людей – тех, кто нашел останки императора и его семьи. Кроме чувств и мыслей тех, кто стал участником и свидетелем борьбы, развернувшейся в обществе вокруг этого события. И мне показалось, что мои материалы смогут дать несколько мазков для понимания общей картины. И еще об одном. Я должна рассказать, кто положил конец моим сомнениям, стоит ли собирать эту книгу. Моей матери нет в живых уже 15 лет. Но почему-то совсем недавно отец решил передать мне ее небогатые украшения. В сверточке с серьгами и кулонами я обнаружила серебряный рубль, помеченный 1896 годом. На одной стороне его – двуглавый орел, а на другой – Николай II, «император и самодержец всероссийский». Почему эта старинная монета оказалась среди украшений, никто в семье не знает. Я не склонна к мистике, но такой знак трудно истолковать двояко. Вот так появилась эта книга.

Взгляд в прошлое

Николай II, Александра Федоровна и Великая Княжна Мария Николаевна были перевезены из Тобольска в Екатерин-

бург в конце апреля 1918 года. 23 мая сюда же привезли остальных детей. Все они были размещены в доме Ипатьева на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Дом был обнесен двумя заборами, которые совершенно скрывали его от посторонних глаз. В книге Соколова приводится такое свидетельство охранника Медведева: «Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад, сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках, выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще сам ходил за ним, супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, а иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было, а супруга Царя начинала седеть и была худощава. Дети вели себя „обыкновенно“ и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось... Пищу для царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте; пищу эту носили из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца, в дом они не входили... Неоднократно приглашался в дом священник для богослужения. Время они проводили так: Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек – корабликов».

«Период екатеринбургского заключения Августейшей Семьи был полон страданий. Это был сплошной крест... (Охранники) были грубые и пьяные люди. Они входили, когда им было угодно, в комнаты Августейшей Семьи и вели себя отвратительно, отравляя жизнь Семьи. Они позволяли себе входить в столовую, когда обедала Августейшая Семья, лезть своими ложками в общую миску с супом, и иногда дерзость их доходила до такой степени, что они как бы неумышленно задевали своими локтями лицо Императора или же, становясь сзади стула Императрицы, наваливались на стул, задевая Государыню. Безобразные пьяные песни с тенденциозным подбором неслись часто по дому. Происходило расхищение Царских вещей. Уборная была одна в доме, и ею пользовались все.

Иногда из комнат Августейшей Семьи раздавались духовные песнопения, преимущественно Херувимские песни: пели Государыня и Княжны».

(Из доклада судебного следователя Н. А. Соколова вдовствующей Императрице Марии Федоровне) ⁴.

Дождливый июль

Я пишу эти строки зимой, когда за окном валит снег, заметает все и вся, словно пытается крупными мазками выбелить всю землю и нас, так по-разному живущих на ней. Лето в такую погоду кажется чудом. Но его звуки, запахи не забываются с холодами, а живут где-то глубоко внутри нас, отзываясь на воспоминания.

Июль 1998-го был богат ливнями. Небо все время держало людей в напряжении, в любое мгновение готовое вылиться на землю бурными потоками. Грозы гремели по два раза на дню, буквально подтверждая русскую поговорку «не из тучи гром». Я ехала на свою первую встречу с Александром Авдониным в автобусе, который, казалось, насквозь пропитался дождевой влагой. Длинные струи его били по стеклам, эта снабженная колесами железная коробочка будто двигалась сквозь водопад. Было раннее утро, и почти все пассажиры спали. А я сидела с ручкой и блокнотом и снова и снова обдумывала и переписывала вопросы для будущего интервью.

Разумеется, я к нему подготовилась. Сходила в самую крупную библиотеку Челябинска, посидела за книгами и газетными статьями. Потом выловила все, что можно, в Интернете. О проблеме и об истории вопроса информации нашлось очень много, а вот об Авдонине – почти ничего. Кто-

то из журналистов называл его личным другом губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя. Кто-то назвал его скрытым монархистом. Кто-то написал, что он и его группа «приватизировали царские останки». Рассказывали о том, что первый раскоп для поисков места тайного захоронения был сделан с санкции тогдашнего министра МВД СССР Н. А. Щелокова. Его личный советник, писатель и кинодраматург Гелий Рябов в августе 1976 года специально для этого приехал на Урал. До этого ему удалось встретиться с сыном Якова Юровского, того самого, который руководил расстрелом в доме Ипатьева. Рябов получил от него записку, составленную отцом для историка Покровского, и произвел необходимые выписки из книг судебного следователя Н. Соколова и генерал-лейтенанта М. Дитерихса (в то время они в СССР были малодоступны). Из последней он перерисовал схему района, где происходили события 16—19 июля 1918 года. Возможности Рябова и знания Авдонина привели к успеху – они нашли место, где большевики скрыли останки царской семьи, но потом эти два человека отчего-то поссорились. Я говорю здесь об этом для того, чтобы больше к этому не возвращаться. Я ценю, что Авдонин и сегодня уклоняется от описания своих взаимоотношений с Рябовым, это по-мужски. Из его скупых слов я поняла, что в свое время Рябов не сдержал своего слова, и события вокруг царских останков начали развиваться совсем не так, как ими было задумано.

Я нашла в «мировой паутине» и текст самого Авдонина с его версией екатеринбургской трагедии 1918-го. Думаю, что здесь не обойтись без хотя бы краткого изложения тех событий. Авдонин писал о них так: «17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге без суда и следствия была уничтожена семья отрекшегося от престола императора Николая II и ее прислуга. Были убиты: император Николай II, его супруга Александра Федоровна, их дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, сын Алексей, а также лейб-медик Боткин, камердинер Трупп, комнатная девушка Демидова и повар Харитонов. То, что произошло в Екатеринбурге, нужно квалифицировать как преступление – умышленное групповое убийство, исполненное революционной властью, продемонстрировавшей ненависть к бывшему императору, который отрекся от этого звания задолго до появления советской власти. Особая свирепость и злодейство преступления состояли в убийстве детей на глазах родителей, не способных их защитить. Оправдания этому преступлению нет! И большевики, прекрасно понимая это, сразу же начали заметать следы злодеяния путем сокрытия главного доказательства преступления – останков убиенных – и распространения ложного заявления Советского правительства о том, что в Екатеринбурге расстрелян только император, а его семья переведена в безопасное место.

Первая брешь в тайне большевиков была пробита следователем Соколовым еще в 1919 году. Вместе с екате-

ринбургскими следователями Наметкиным и Сергеевым он установил факт убийства царской семьи в доме Ипатьева. В убийстве семьи Соколов обвинял руководителей Советского правительства и Уралсовета, непосредственных исполнителей злодеяния: Юровского, Медведева, Ермакова, Никулина и других. Поиски останков убиенных привели Соколова в район старого заброшенного рудника вблизи деревни Коптяки. Здесь были найдены следы костров с остатками горелой одежды и другие вещественные доказательства, подтверждавшие, что останки царской семьи здесь находились, с ними что-то делалось, но самих останков не было. Соколову пришлось предположить, что останки были полностью сожжены. При обследовании Коптяковской дороги Соколов обнаружил и сфотографировал участок с настилом из шпал, где 19 июля при возвращении с рудника застряла машина большевиков, пробывшая на этом месте почти пять часов. Соколов, к сожалению, не догадался обследовать это место. В июле 1919 года, когда его работа достигла максимального размаха, район исследования был занят красными войсками. Это прервало следствие Соколова, которое осталось незаконченным».

Позже, в эмиграции Николай Соколов успел закончить книгу «Убийство царской семьи», ставшую основой для формирования мнения об убийстве царской семьи у широкого круга людей, не многие из которых поняли, что эта книга – его трагедия. Сам Соколов об этом знал, но умер,

не ведая, что одна фотография в его книге отметила место сокрытия царских останков, которых он не нашел. Эта книга... явилась причиной для появления большого количества разнообразных версий об участии царской семьи, от ее уничтожения (в том числе и с отрезанием голов у трупов) до полного благополучного спасения, вместе с Николаем, даже несмотря на заявление Советского правительства. Эти же факты стали исходными положениями для появления «лже-претендентов», традиционных для России самозванцев на роль наследников государя, количество которых не уменьшается до сегодняшнего дня.

С конца 20-х и до 70-х годов тема гибели царской семьи в нашей стране была закрыта. Об убийстве ее Советское правительство никогда не заявляло (только о расстреле Николая II). Это оставалось государственной тайной, охраняемой спецслужбами.

Взрыв произошел в июле 1991 года, когда председатель Свердловского облисполкома Эдуард Россель заявил, что в окрестностях Свердловска найдены останки предполагаемой царской семьи. Место их нахождения было указано членами фонда «Обретение».

Поисковая группа состояла из трех человек: геолога Михаила Кочурова (погиб в 1990 году), инженера-геофизика Геннадия Васильева и автора (Александра Авдонина. – А.Т.-Н.). Работу с архивными источниками осуществлял писатель Гелий Рябов. Группа вскрытия останков известна – она со-

стояла из шести человек. Место сокрытия было обнаружено мною совместно с Кочуровым в 1978 году. 1 июня было произведено вскрытие. Раскоп – примерно метр на метр. Человеческие останки встречены на глубине порядка 70 см. Здесь сразу же, на небольшом расстоянии друг от друга, обнаружены три черепа. Они были изъяты для последующей идентификации. Раскоп закрыт. На все ушло шесть часов, работали шесть человек. В своем акте об этом мы отметили, что вскрытие было локальным, и количество скелетов на месте сокрытия мы не пытались установить, это не входило в нашу задачу.

Прошел год, взятые фрагменты были возвращены на прежнее место. Мы намеренно уложили их в деревянный ящик вместе с металлической иконой, на которой были выгравированы дата изъятия и возвращения фрагментов останков.

Прошло еще десять лет до дня официального извлечения останков Свердловской областной прокуратурой в 1991 году. Начались криминалистические и судебно-медицинские исследования. Одновременно начался сбор документов, связанных с убийством царской семьи, в различных архивах страны. В августе 1993 года Генеральной прокуратурой РФ возбуждено уголовное дело по обстоятельствам гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в 1918— 1999 гг. Ведет это дело прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьев»⁵.

Каждое слово Авдони́на было бесчисленное количество раз подвергнуто сомнению в многочисленных газетных и журнальных статьях, обращениях к президенту, в фильмах, снятых на этот сюжет, ставший весьма популярным за семь лет, прошедших с той памятной пресс-конференции свердловского губернатора Эдуарда Росселя. Гробокопатели – это самое мягкое определение из тех, которые применялись к группе Авдони́на в эти годы. В 1996-м году «Челябинский рабочий» писал о документальном фильме свердловского режиссера Сергея Мирошниченко: «Снимая бесконечные митинги и молебны на месте дома Ипатьева, камера не стремится к панораме. Она нацелена на крупный план, подолгу задерживаясь на каждом лице. А есть еще съемки, сделанные на этом месте скрытой камерой: как люди молятся у непрочного деревянного креста, недоумевают, равнодушно проходят мимо, деловито воруют букеты цветов... Сколь непонимающе-равнодушны недетские лица подростков, ничего не знающих об этом месте и уже ничего не желающих знать»⁶.

Но вернемся в тот июльский день, когда я буквально «на коленке» переписывала дрожащей от автобусной тряски рукой вопросы для первого интервью с Авдониным. Эта страничка хранится в моем архиве. Иногда я беру ее в руки и вспоминаю и тот дождь, и то особенное волнение, которое я испытывала перед первой встречей с этим человеком. Значительность его личности была для меня бесспорна уже то-

гда, и я боялась своей малой компетентности, боялась перепутать даты, фамилии. Хотя мой опыт подсказывал, что важно совсем другое – эмоциональный контакт, который определяет степень открытости и откровенности.

В первые минуты знакомства мне показалось, что из моей затеи ничего не получится. Александр Николаевич, крупный, седовласый человек, выглядел усталым и погруженным в себя, словно бы отрезанным от мира. Он назначил мне встречу в областном краеведческом музее, который из-за дождя был почти пуст. Мы сидели в мрачноватом полупустом кабинете, потолок терялся где-то в высоте, я пыталась спрашивать, он смотрел на меня с горестной иронией и недоверием, как человек, много претерпевший в жизни от разных журналистов. Я уже начала отчаиваться, как вдруг за окном громыхнуло так, что задрожали стекла, и ливень встал стеной, словно разверзлись хляби небесные. И, глядя на потоки воды, Александр Николаевич стал постепенно оттаивать. Потом в газете я для красоты слова написала так: «Во время этого природного катаклизма мы говорили о катаклизме историческом, участником которого суждено было стать этому седому человеку».

30 лет он занимался поисками полезных ископаемых. И, судя по тому, что получил научную степень доктора геолого-минералогических наук, делал это неплохо. Причем эта степень была ему присвоена без защиты диссертации. Это уникальный случай на Урале. Он написал четыре моногра-

фии, около 200 статей по своей специальности. А в 1997-м одна газета назвала его «доктором геолого-исторических наук». Ошибка эта, конечно, смешная, но и очень показательная. Именно истории, а точнее, восстановлению ее нравственности посвятил геолог Авдонин последние 10 лет своей жизни.

Он рассказывал мне об этом, когда мы бродили по залу, где разместилась выставка «Романовы. Возвращение в историю», детище фонда «Обретение», которым Александр Николаевич руководит с 1991 года. Мы бродили по залу, наполненному историей, где рядом оказались убитые и убийцы, жертвы и палачи. Здесь материалы генетических экспертиз останков, фотографии, на которых зияют глазницы черепов и разложены пронумерованные кости. История преступления и трагедии.

Сейчас, через три года после прощания с останками, выставки о царской семье выглядят по-иному. В январе 2001 года в Москве, в Историческом музее были выставлены детские вещи и игрушки семьи Романовых. Игрушечный стульчик-трон и парадные мундирчики царевича Алексея. Кружевные платьица девочек, дневнички, расписание уроков, трехколесный велосипед. Нет ничего, что напоминало бы о страшной участи детей венценосной семьи. Но, как написала журналистка «Известий» Ольга Кабанова, «выставка душераздирающая». Наверное, люди, которые приходили в Исторический музей, испытывают те же чувства, что и я

в тот июльский день в Екатеринбург.

Авдонин не чувствовал себя победителем, хотя оставались считанные дни до захоронения останков царской семьи события, к которому он и его единомышленники шли около двадцати лет.

Мне хочется, чтобы сомнения, чувства тех дней остались в этой книге, поэтому я воспроизвожу здесь текст этого интервью. Итак, 2 июля 1998 года. Екатеринбург. Краеведческий музей. Гроза.

– Я был наивным человеком. Считал, что правда о расстреле царской семьи будет силой, которая примирит расколотое на части русское общество внутри страны и за рубежом.

Александр Николаевич показывает план, который еще в 1918 году составил знаменитый белогвардейский следователь Николай Соколов. Еще тогда он отметил место, где в конце 70-х были найдены останки. Точка на старой Коптяковской дороге подписана так: «Мостик из шпал и бревен, где застрял грузовик большевиков».

– Соколов не догадался, – говорит Александр Николаевич. – Если бы он тогда раскопал, не было бы сейчас этой головной боли.

В 1943 году маленький Саша Авдонин на заседании детского географического общества «Глобус» во Дворце пионеров впервые слушал Петра Ермакова – человека, который был в доме Ипатьева во время расстрела царской семьи. Де-

ти тогда поняли, что жил когда-то плохой человек, угнетатель – царь, а хорошие люди его убили.

На выставке Александр Николаевич показал мне фотографию, где Петр Ермаков снят вместе с членами Уралсовста на том самом мостике из шпал. Перед ним на бревнах лежит маузер, который в свое время был знаком чуть ли не всей свердловской детворе. Ермаков долгие годы носил его по школам города и рассказывал пионерам о своем «подвиге».

– Этот снимок мы нашли в его архиве после смерти. И пи-
столет тоже в музее, но здесь мы его не выставляем, потому
что Ермаков все врал, никого он не убивал. На этот же мо-
стик революционер Парамонов водил поэта революции

Маяковского. Стихотворение об этом здесь же, под стек-
лом:

*За Исетью, где шахты и кручи, за Исетью, где ветер сви-
стел, приумолк исполкомовский кучер и встал на девятой
версте...*

*Здесь кедр топором перетроган, зарубки под корень коры,
у корня, под кедром, дорога, а в ней – император зарыт.*

— Меня часто спрашивают, как появилась мысль занять-
ся поисками. Все случилось эволюционно. В городе, кото-
рый назывался Свердловском, события, связанные с расстре-
лом царской семьи, никогда не прекращались. Всегда атмо-
сфера была заполнена флюидами от него. И люди, которые
приезжали сюда, всегда интересовались: «Покажите дом, где

шлепнули Николашку» или «где убили царскую семью». По-разному говорили, но интерес всегда был. По этой причине и снесли в 1977 году дом Ипатьева.

Мне повезло на встречи с людьми. Я знал людей, которые участвовали в расстреле, были в охране дома. Материалы накапливались. А потом появился Гелий Рябов. Он стал катализатором, ускорителем, без него это событие нескоро бы произошло.

– Так вы создали «преступную группу»?

– По тем временам (а это был самый расцвет тоталитарного режима) мы действительно раскрывали государственную тайну. Мы все были уверены, что если мы ее знаем, то должны передать людям. Но готовились передать ее в следующее поколение, через наших детей. Мы никак не могли предположить в те годы, что этот режим рухнет. И откроется новая эра, возможности нового мировоззрения. Стоит сказать, что за те 10 лет, что мы сохраняли тайну, не было ни одной утечки информации, люди подобрались очень надежные. А что касается «преступной группы». Мы много думали над тем, что совершаем. Можно ли было вскрывать могилу, нарушать покой мертвых. Но это не была могила. Это было место сокрытия от людей следов преступления. И где это место находилось? На дороге, где ездили машины, ходили люди. И все по ним. На такой глубине ведь не хоронят, гораздо глубже.

Они промерзали зимой, оттаивали летом. Приняли мученическую смерть, потом 70 лет мучились в яме. Их мучают

последние семь лет экспертизами. Нет им покоя.

Я рассуждал так. Мы не только открываем чистую, а скорее грязную, страницу нашей истории, но мы даем основу для окончания следствия Соколова. За один только год он доказал на основе вещдоков и опроса свидетелей, что в доме Ипатьева была расстреляна царская семья и ее прислуга. Но он не нашел останков. Следствие его осталось незаконченным. Найденные останки послужили поводом для возбуждения в 1993 году Генеральной прокуратурой России уголовного дела.

– Я читала в материалах этого дела и оценку того, что сделали вы: «Этой группой выполнен не только гражданский долг, но сделан выдающийся вклад в юридическое дело и нашу историческую науку».

– Это сейчас. А раньше кричали: «Под суд Авдони́на и Рябова! Кто им разрешил копать?». Мы задали работу тысячам людей во всем мире – в Германии, Америке, Канаде, на Украине, и в России конечно. Одних только судебно-медицинских экспертов было 500. А сколько об этом написали журналисты, следователи, историки. И все они в основном хулят нас, сторонников очень мало. Они говорят: «Подумаешь, все давно знали, где они лежат». Говорят, что мы это сделали для собственного престижа, из корыстных целей. Но за эти десять лет ни я, ни Рябов не сделали каких-то корыстных потуг, это все видят. Если я написал книжку, так это мой труд. Если выступил по телевидению – это тоже мой

труд. Останками мы не торгуем.

Александр Николаевич подводит меня к одному из стендов:

– Вот фотография, которая трогает меня больше всех. Тотенький как былинка, царевич Алексей прильнул к матери. Она, гордая и строгая, обнимает его через перила корабля. Мальчик в матроске, ветер развеивает ленточки бескозырки. Они по разные стороны перил. Так же развеяла их судьба. Останки Алексея, его сестры Марии не найдены.

– Сейчас мне говорят: «Давай ищи Алексея!». А я говорю: «Не надо искать». Хотя мы примерно знаем, где он.

– Почему не надо искать?

– Я повторяю. Раньше я рассуждал как наивный человек, не представлявший реальной обстановки. Я не знал, что гражданская война не кончилась, что люди по-прежнему расколоты. И этот исторический объект – останки – не может их примирить. И открытие на старой Коптяковской дороге было преждевременным, мы еще не доросли до осознания его.

– Александр Николаевич, я прочла немало газетных статей на эту тему. Большинство из них оставляют впечатление «пляски на костях». Как будто каждый пишущий хочет на этом нажать себе капитал. Вот только что пришло сообщение о том, что Челябинская организация РКП приняла заявление о том, что Челябинская организация РКП приняла заявление, в котором останки называют неизвестными, а кампанию по канонизации имени Николая II – надругательством

над всеми народами бывшей Российской Империи. Как они говорят, нам нечего стыдиться своих предков, им было виднее, чем из нашего сегодняшнего далека. Баркашовцы тоже не понимают, почему русские люди должны каяться в том, чего они не совершали. Они считают, что те, кто к этому призывает, хотят привить русским людям комплекс вины, комплекс ущербности.

– Наше государство никогда не признавало убийства царской семьи. В 1918 году правительство заявило, что в Екатеринбурге из-за чрезвычайных обстоятельств и контрреволюционного заговора расстрелян Николай II, а семья перевезена в надежное место. С тех пор никто этого не опровергнул. Но теперь, если мы хороним эти останки, то мы признаем исторический факт: да, семья была убита, признаем это преступление. За последние годы наше государство уже много чего признало. Не так-то просто было развенчать культ личности, пакт Молотова – Риббентропа, массовые убийства военнопленных. Признали, чтобы реабилитировать себя, войти в разряд нормальных людей. Непросто вырывать эти язвы из тела. Трудно признать и убийство царской семьи. А это действительно преступление, потому что не было причин убивать этих людей. Преступление особо злодейское, потому что на глазах родителей убивали их детей, а они неспособны были их защитить. Что может быть изощреннее такой пытки?

Если мы это признаем, если берем этот грех на себя, то

люди участвуют в покаянии. Что такое покаяние? Мы должны покаяться за то, что совершили наши предки. Некоторые люди этого не понимают и говорят: «Я-то тут при чем? Я в этом не участвовал». Дело-то не в этом. Дело в значимости самого акта покаяния. Если мы этого не понимаем, значит, мы еще не доросли.

– Ощущение такое, что общество споткнулось об эту проблему, зашло в тупик. Политический, религиозный, нравственный...

— Никто не знает, что с этим делать. Что самое обидное. Патриархия стала на сторону «оппозиции». И именно поэтому президент решил не участвовать в церемонии захоронения.

– Вы думаете, что произошло именно это? А люди говорят, что Ельцин взорвал дом Ипатьева и поэтому стыдится хоронить останки.

– Народ может говорить все, что угодно. Раньше говорили, что вот, мол, хотят сыграть на этом деле политическое шоу. Сейчас видно, что шоу не получилось, иначе бы Ельцин не отказался. Значит, не требуется политического шоу. А нормальное, естественное событие не произошло. Потому что в мире есть силы, которым это не нужно. Я думаю, что это потомки тех людей, которые виновны в этом преступлении, – Свердлов, Юровского, Войкова (который, кстати, говорил, что «мир никогда не узнает, что мы с ними сделали»).

– Вы думаете, что эти люди настолько влиятельны?

– Да, потому что «оппозиция» есть не только в России. Это мировая «оппозиция». Центр ее в США. И внутри нашей эмиграции.

– Я читала, что некоторые потомки Романовых не хотят признавать останки...

– А что такое «признавать – не признавать»? Как простой человек может этот вопрос решить? Кто должен его решать?

– Наука, наверное.

– Да, наука. И здесь возникает вопрос – верим или не верим мы науке. Если верим, значит, это объективный факт. Работали светила мировой науки, использовали новейшие методы исследования. Больше того, разработали новые, доселе неизвестные. А у нас говорят: «Нам не хватает чего-то для полной уверенности». А чего, сказать не могут.

Есть страшная проблема для церкви. Признав эти останки, она должна будет признать их святыми мощами. Потому что Русская православная церковь за рубежом еще в 1981 году канонизировала царскую семью. А мощи ведь не хоронят, им поклоняются. Например, останки апостола Петра выставлены для поклонения в соборе Петра и Павла в Риме, мощи Семена Верхотурского – в Верхотурье. Недавно у нас канонизировали Великую Княгиню Елизавету Федоровну, которая была убита большевиками в Алапаевске. Часть ее останков находится в Иерусалиме, а часть хранится в церквях по всему миру. Так бы должны поступить и с найденными нами останками. Но этого не произошло. Больше того,

их не хочет признавать и зарубежная церковь. Там говорят: «Мощей не может быть».

– В статье одной верующей журналистки из Петербурга я прочла вот такой довод: «Никогда еще в истории христианства святые мощи не обретались с „санкций“ земных властей, мирским способом, Коптяковский же могильник вскрывали (и не единожды) без церковного благословения, без участия хотя бы одного священнослужителя».

– Я думаю, что патриархия отрешила науку от церкви. И после Коперника это второй такой же мощный факт, когда выдающиеся научные результаты отвергаются без всяких оснований. «Оппозиция» – это люди лженауки. Они сами придумывают факты, не имея на руках никаких документов и доказательств.

Александр Николаевич показывает мне стенд, посвященный следователю Соколову. Он умер в 1924 году, когда ему было всего 42. Надпись на его могиле гласит: «Правда твоя – правда вовеки». Поискам исторической правды он посвятил всю свою недолгую жизнь в эмиграции. Поиск продолжается и сегодня. В тяжелой борьбе.

– Мы нашли останки и передали их государству. Оно решает, как их хоронить. Но кто теперь фактически занимается определением церемониала захоронения? Основная для меня проблема, когда я думаю о судьбе последнего российского императора: мог ли он не отречься от престола? Если бы он не отречься, смог ли бы ликвидировать тот хаос, ко-

торый возник в стране на третий год войны? Россия очень быстро деградировала. И в это же время возникает заговор внутри великих князей. Это были ближайшие родственники Николая. Он отрекся от престола именно в результате этого заговора. Все ему сказали: «Отрекись!». И они распяли его. Он не имел права отречься. Он должен был до конца нести свой крест. Ну что ж, так получилось. Он отказался от престола в пользу своего брата, что тоже не имел права делать по закону о престолонаследии. Михаил был императором – некоронованным – меньше суток и отказался от престола в пользу Учредительного собрания. Большевики его разогнали. Таким образом, юридически вопрос о власти в России оказался не решен. А императорский дом – те, кого не успели убить, – раскололся на две части. Одна из ветвей (я их называю Кирилловичи) объявила себя «блюстителеми престола». Кирилл Владимирович объявил себя императором. А ведь именно он был застрельщиком заговора. Я всегда это знал. Сейчас мы выпустили книгу «Великие князья». Она написана Великим Князем Давидом Чавчавадзе. Мы перевели ее и издали. Немного запоздали, конечно. Я потратил на нее два года и не жалею. И в этой книге описан заговор. И теперь эти люди хоронят останки Николая. Они поддерживают отношения с Дворянским собранием, имеют своих представителей в Екатеринбурге и в Санкт-Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.